

ВОСПИТАНИЕ «АНГЕЛА ДОМА»: ДЕТСТВО, ДЕВИЧЕСТВО И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ЭПОХИ ВИКТОРИАНСТВА

Рецензия на работу Кристианы Биндер

«От невинности к опыту: (ре)конструкции детства

в автобиографиях викторианок». –

WVT Wissenchtlicher Verlag Trier, 2014. – 402 с.

О.А. Джумайло

Аннотация. Рецензия на книгу Кристианы Биндер «От невинности к опыту: (ре)конструкции детства в автобиографиях викторианок» (2014) выделяет два основных методологических подхода к образу детства в автобиографическом тексте XIX в., предпринятых автором. С одной стороны, автобиографии пятнадцати викторианок рассматриваются в единстве с социальными, гендерными, религиозными, семейными, медицинскими, образовательными дискурсами и практиками эпохи (в русле культурных исследований, нового историзма, гендерной критики). С другой, – текстовой материал комментируется как индивидуализированный опыт женского автобиографического описания, каждый из которых имеет свою конфигурацию событий, специфический тематический и нарративный рисунок (в русле литературоведческих исследований жанра и нарративных форм автобиографии). Формирование женской идентичности и рефлексии о ней оказываются тесно связанными с непосредственными материальными условиями (питание, забота о здоровье, финансовые возможности семьи), дисциплинарными практиками (образование, религиозное воспитание, назидательное чтение) и психологическими фиксациями (интерес к внутренней жизни ребенка и сфере бессознательного, репрезентация травматического опыта, эстетизация фактов личной жизни).

Ключевые слова: концепции детства, девичество, женская автобиография, викторианская эпоха, культурные исследования.

Джумайло Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, доцент Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, dzum2@yandex.ru.

UPBRINGING OF “THE ANGEL OF THE HOUSE”: CHILDHOOD, GIRLHOOD AND CULTURAL PRACTICES OF VICTORIANS

Review on: Christiane Maria Binder.

From Innocence to Experience: (Re-)Constructions of Childhood in Victorian Women’s Autobiography. – WVT Wissenchaftlicher Verlag Trier, 2014. – 402 p.

O.A. Dzhumailo

Abstract. This review of Christiane Maria Binder’s *From Innocence to Experience: (Re-) Constructions of Childhood in Victorian Women’s Autobiography* (2014) singles out two complementary approaches to representation of childhood in Victorian women autobiographies, which were undertaken by the author. From the one hand, autobiographical texts of fifteen women are read through their interaction with other cultural discourses of the epoch (social, gender, religious, family, medical, educational, etc.) in tune with recent cultural studies, new historicism, and gender studies. From the other hand, the material is viewed as a specific form of female autobiography in every particular case, revealing its own configuration of events, thematics and narrative forms in tune with literary studies of genre and narration in autobiographies. The formation of female identity and reflexion about it is seen as a result of material conditions (finances, health care, food and eating habits), disciplinary practices (education, religious duties, prescribed reading), and psychological fixations (interest to hidden life of a child and unconsciousness, representation of traumatic experience, aesthetisation of life accounts).

Keywords: conceptions of childhood, girlhood, female autobiographies, Victorian period, cultural studies.

Материалом для исследования Кристианы Биндер (Германия) стала вышедшая в 2000 году (под ред. В. Сандерс) [Sanders, 2009] антология детских воспоминаний, оставленных женщинами XIX века, которая позволила автору по-новому осмыслить женский опыт в его отношении к пониманию детства (и девичества), а также имеющихся культурных ресурсов автобиографического самоописания викторианской эпохи.

Качественное комментирование детских воспоминаний пятнадцати автобиографов-женщин потребовало обращения к разнообразным дискурсам эпохи, включая теорию образования, педагогику, психологию, дидактику, социологию, медицину, религию, философию и историю искусств. С методологической точки зрения монография видится удачным примером комбинации инструментария классического литературоведения с продуманной подборкой культурных исследований, «плотным описанием» нового историзма и элементами гендерной критики.

Книга рассматривает образы и концепции ребенка (невинный, греховный, результат влияния наследственности, *tabula rasa*, руссоистский ребенок, романтический, «полезный», викторианский, подверженный бессознательным импульсам), распространенные в викторианскую эпоху (с. 6–19). При этом подчеркивается сосуществование взаимоисключающих взглядов на детство. Подробно представлены социальные, гендерные, семейные, юридические, имущественные, медицинские контексты, в которых оказывается ребенок.

Формирование женской идентичности представляется суммой целого ряда факторов: от особенностей психики (этому посвящена отдельная глава в русле популярных ныне исследований женской истерии), гигиенических условий, режима питания, лечения и пр. – вплоть до их фукодианского прочтения. Так, необходимость подчиняться разнообразным формам контроля и запрета (в том числе невозможности задать вопрос на ту или иную тему) нередко приводила к психологическим проблемам, а еда выступала инструментом поощрения послушных (чай с сахаром) и наказания непослушных детей (сухой хлеб с молоком).

Глава, посвященная образованию девочек викторианской эпохи, рассматривает, прежде всего, возможности и формы домашнего образования, хотя предлагает также свод уже существующих во второй половине XIX века разнообразных женских учебных заведений (*Ladies Seminaries, Ladies' Academies, The Ladies Collegies*, включая ныне знаменитый *Queen's College* в Лондоне, и др.). Однако большинство автобиографов, вспоминающих свои детские и девические годы, не только имели домашних наставников, но и активно занимались самообразованием, нередко нарушая привычную траекторию движения по дому и заглядывая в библиотеку отца, интересуясь политикой, ботаникой и зоологией в соответствии с научными «модами» эпохи Дж.С. Милля и Ч. Дарвина.

Некоторые предпочитали изучению основ домашнего консервирования чтение «Основ навигации» математика Дж. Робертсона или публичные лекции по астрономии в курортном Брайтоне и даже рекомендовали изучение геометрии для коррекции «женского дефицита интеллекта» (с. 157).

Образование рассматривалось как форма женской социализации; любопытно и то, что обучение юных барышень становилось постепенно одной из обязанностей матерей – именно такой поворот делает автор монографии в главе, посвященной половому разделению обязанностей в семье. Но основной идеологический посыл такого образования все же был сосредоточен на идее самозабвенного ежедневного служения женщины, уподобленной «ангелу дома» (В. Вульф). Аргументы в пользу разумного подчинения женщин предлагались в многочисленных дискуссиях физиологов, «научно» подтверждавших факт физического, интеллектуального и даже морального превосходства мужчин. Служение мужчине, таким образом, трактовалось как форма воспитания самоконтроля, а вместе с ним и морали, которыми не могли похвастать женщины. Поэтому девочек не посвящали в политику и не обучали «мужским» предметам. Их сферой становились называемые теперь “soft sciencies”: гуманитарные дисциплины, исполнительское искусство и традиционное домоводство. Женщины объявлялись одаренными интуицией и воображением, но малоспособными к продуктивному размышлению и творчеству.

Более того, отдельные критики прогрессивного женского образования и умственных нагрузок для юных девиц указывали на их пагубность для женского здоровья, в особенности формирования здоровой репродуктивной системы. Леди Каролину Лэм не учили чтению и письму до десяти лет, опасаясь нервных припадков. Этот факт, впрочем, мог быть романтически преувеличен знаменитым автобиографом, оставившим после себя трагическую историю страстного служения не мужу, а Байрону, недолгую славу исповедального автобиографического романа, и сенсационную изоляцию от семьи.

Поразительно, что спустя годы после эпохи викторианского правления официальная рекомендательная комиссия 1923 года предлагала уменьшить умственные нагрузки школьниц, не подвергать экзаменационному стрессу до исполнения восемнадцатилетия и сосредоточить их внимание на кулинарии, вышивке и ремеслах, не требующих больших умственных усилий.

Автобиографии предлагают материал, свидетельствующий о специфических культурных конструкциях, циркулирующих в обществе и разделяемых как мужчинами, так и женщинами, отнюдь не лишенными сердечности и заботы в отношении своих дочерей. Однако требуется культурологическая «оптика», чтобы оценить иронию этой любви. Так, в качестве лечения от пагубного «мужского» занятия серьезным чтением будущего математика Джейн Соммервиль отправили в сельскую школу обучаться шитью. После того, как девочка доказала, что способна к рукоделию, ей позволили читать Евклида, но недолго, ибо отец, узнав о том, что Джейн читает по ночам, стал опасаться за ее рассудок (с. 154).

Вполне закономерно найти в монографии главу, посвященную религиозному образованию девочек, чей жизненный путь связывался с идеей осознанного духовного служения семье и супругу (глава 8). Однако более интересны своего рода ревизионистские взгляды викторианок на систему женского образования (глава 9). Это позволяет увидеть в порой кажущихся тривиальными воспоминаниях одну разделяемую всеми автобиографами интенцию менять существующие практики. Среди авторов – профессиональные детские писательницы (Шервуд, Хоут, Колридж, Йонге), вовлеченные в деятельность за женские права журналисты, издатели, романисты, филантропы (Джеймсон, Мартино, Сьюэл, Бесант, Опи и др.). Даже личные воспоминания о годах девичества несут в себе импульс переоценки положения дел: от банальных размышлений о ненавистном рукоделии до серьезных предложений относительно традиционного набора изучаемых дисциплин и современных идей образования, ориентированного на отдельного ребенка и учитывающего его индивидуальные потребности, в том числе в профессиональной самореализации. Многие из воспоминаний принадлежат женщинам, проявившим себя в математике, политической экономике, издательской деятельности.

Глубокому проникновению в детскую психологию автобиографов-викторианок посвящена глава 10, в которой делается неожиданный вывод об особом интересе авторов эпохи к отдельным, и весьма нюансированным при этом, аспектам детского сознания, а также эмоциональным, когнитивным и психологическим этапам развития ребенка. Автор монографии обращает внимание на многочисленные факты появления необычного и нестандартного объекта – психологии ребенка, рассмотренной подчас в романтическом, а подчас и в протофрейдистском ключе (сны, разнообразные фобии, психологические конфликты, вытеснения, проекции и пр.). Литературоцентричный критик напрямую связал бы данный факт с широким распространением романтических текстов, с их фиксацией на психологическом морюке самопознания (Тик, Гофман, де Квинси, Колридж, Хант и др.), но глава в большей степени обращена к отдельным опытам детского самопознания, представленным в текстах исследуемых авторов. И предположение об эстетизации девического опыта взрослыми мемуаристками возникает нечасто (Колридж, Кемпбел) в связи с упомянутыми ими самими вдохновляющими текстами (с. 112, 299). Однако страсть к преувеличенно драматическим, травматичным и воображаемым картинам, выдаваемым как «документальное» свидетельство из личной биографии, весьма заметно, к примеру, в автобиографии Мартино. Трудно представить картину роющих могилу детей, желающих представить, что значит лежать мертвым в земле (с. 291), без некоего литературного вливания Вордсворта (вспомним, хрестоматийные «Нас семеро» или «Люси»). А «памятный» эпизод, описывающий прикосновение двухлетней (!) Харриет к бархатной пуговице на шапочке умершей сестры (с. 298), вызвавший ужас, вряд ли обошелся без влияния де Квинси.

Глава 11, посвященная кругу чтения юных барышень викторианской эпохи, интересна по нескольким причинам. Она обращена именно к специфическому «детскому меню» в данном вопросе (кроме Библии, Беньяна, Мильтона и Шекспира в списке появляются остроумные тексты, выворачивающие назидательный посыл

«школьного списка» литературы наизнанку, – стихотворения Теккерея, сказка Кэрролла, тексты Россетти и многое другое, увы, мало знакомое русскоязычному читателю). Впрочем удивительно, что в список не попал Э. Лир с его лимериками.

Тексты автобиографов свидетельствуют о литературных модах той эпохи, популярности романов Скотта и «опасно притягательных» стихов Байрона.

К. Биндер подчеркивает, что своего рода эмансипация женского «я» происходит в результате «бунта» против традиционного канона чтения (с. 312) и формирования личного «списка литературы» (с. 316), иными словами, конфликта чтения как дисциплинарной практики и чтения ради удовольствия. Прологомены Фуко, неоднократно возникающие в монографии, легко инкрустируются в данную концепцию. Соответственно, первое чтение маркируется «институтами власти» как дисциплинарная практика воспитания идеальной женщины, второе же объявляется опасным; первое конструирует образ «греховного» дитя, второе – «невинного». Однако отрадно отметить, что автор монографии далека от ригидных моделей. Обозначая культурные тенденции эпохи, она каждый раз подчеркивает гетерогенность и полиморфность всякого явления.

Собственно литературоведческая часть представлена двумя заключительными главами «Автобиография и детство» и «Взаимосвязь тематики и форм ее художественной репрезентации в автобиографиях». Пожалуй, именно здесь многочисленные вопросы конкретных автобиографических отчетов, ранее рассматриваемые в том или ином культурном, социальном и даже медицинском контекстах, оказываются преподнесены как результат личного выбора, каждый раз новой конфигурации письма. Выбор из многочисленных ныне теоретических источников по автофикциональности труда Р. Паскаля объясняется интересом последнего к тематике (самопознание как путешествие, детские воспоминания, неоднозначность движений души, проблематизация правдивости признания и др.) и нарративным формам (гибкость жанровых форм, субъект-объектная организация, элементы эстетизации повествования и др) автобиографий преимущественно XIX века. Однако наиболее ценным труд становится в связи с обращением к детским воспоминаниям как отдельной форме автобиографий. С другой стороны, влиятельная работа В. Сандерс, посвященная английским женским автобиографиям XIX века, позволила обозначить специфику работы с жанром в женском тексте (амбивалентность сдержанности и самораскрытия; введение женских тем в жанр, традиционно разрабатываемый мужчинами; художественная эстетизация; последовательная уклончивость при самоописании; присутствие подтекста и др.).

Работа К. Биндер предлагает рассматривать образы детства в женских биографиях как «кейсы», с точки зрения индивидуальных авторских форм конфигурации событий прошлого и собственного «я», выбор которых зависит от множества факторов (от необходимости самоцензуры до взаимодействия с предполагаемой читательской аудиторией). Автор находит тридцать одну тему, разбиваемую в русле размышлений о детстве, указывает на значимость детских воспоминаний (с. 351–361).

Однако именно структурированный свод художественных особенностей пятнадцати автобиографий, кратко описанных с точки зрения тематического охвата и главных целей письма, способа представления событий (особенности и функции нарративной организации, репрезентации себя ребенком, концепции детства), оказывается любопытным материалом, демонстрирующим разнообразие форм автобиографий эпохи викторианства и принципиальный отказ от унификации опыта.

Монография К. Биндер – не скучное чтение, она предлагает хорошо систематизированный культурологический материал, провоцирующий на дальнейшее самостоятельное перечитывание классических (не-автобиографических) текстов XIX века. Стоит прочитать главу о взаимоотношениях между взрослыми и детьми в викторианских семьях (с. 29–67), чтобы понять, почему мистер Домби из романа Диккенса называет дочь «фальшивой монетой», раздел о еде как культурной практике (с. 74–133), чтобы понять, почему Алиса Кэрролла возмущена поеданием патоки и отсутствием порядка и дисциплины в Стране Чудес, раздел о послушании (с. 74–85), чтобы проникнуться свободным духом детей Грозового перевала из романа Э. Бронте, не знающих корсетов, и разделы о здоровье, питании и отношении к больным и увечным, чтобы оценить роскошь рождественского обеда в «Рождественской песне» Диккенса и полноту филантропической мысли писателя.

Исследователь, работающий в русле *trauma studies*, найдет многочисленные примеры описаний травматического опыта в литературе, еще не знавшей понятия травмы. Более того, ряд женских автобиографий XIX века прекрасно впишется в популярный женский жанр *self-help books* (книги о самостоятельном волевом преодолении жизненных трудностей), одну из самых коммерчески успешных форм сегодня. Книга будет интересна и тем, кто не безразличен к фигурам знаменитостей: почему Черчилль на детских фотографиях в экспозиции дворца Бленем в «женском» платье? Неужели гении романтизма Колридж, Вордсворт и Саути были тщеславными поклонниками моды? Почему Каролина Лэм говорила о смерти своих детей как о возмездии? Работа неоднократно ссылается на произведения русской литературы (Гоголь, Аксаков, Толстой, Горький и др.), но прежде всего, она видится серьезным вкладом в современные междисциплинарные исследования детства, женского опыта и автобиографии XIX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Sanders V. (Ed.) *Records of Girlhood: An Anthology of Nineteenth-Century Women's Childhoods*. Ashgate, 2000.

REFERENCES

Sanders V. (Ed.) *Records of Girlhood: An Anthology of Nineteenth-Century Women's Childhoods*. Ashgate, 2000.